

ОТЗЫВ

*официального оппонента на диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук
Щербинина Арсения Алексеевича
на тему: «Свобода вероисповедания в Российской Федерации: коллективный аспект» по специальности 5.1.2. публично-правовые (государственно-правовые науки)*

Тема представленной диссертации является достаточно **актуальной**. Теоретическая значимость исследования свободы вероисповедания определяется историческим влиянием соответствующих идей на формирование конституционализма в целом. Особый смысл для понимания этой конституционной свободы имеет обращение диссертанта к ее коллективному аспекту, который приобретает сугубо прикладной характер для судебной и иной правоприменительной практики. Действительно, индивидуальные аспекты свободы религии часто лишены своего нормативного содержания, имея исключительно политический или морально-этический характер. Современные эмпирические исследования доказывают эффективность именно организационных прав (англ.: organizational rights). Этот факт в отношении свободы религии в России признают в недавней работе даже ведущие американские конституционалисты: «исследование ситуации в России... доказывает, что положительная корреляция между свободой вероисповедания de jure и de facto может быть результатом использования религиозными организациями конституции для защиты своих прав»¹. Следовательно, автору удалось выделить те аспекты темы, которые прежде не были предметом отдельных исследований в публичном праве. При этом коллективный аспект не абсолютизируется. Следует согласиться с утверждением о том, что «право на свободу вероисповедания включает в себя взаимосвязанные (взаимозависимые) индивидуальные и коллективные

¹ См.: Chilton, A., Versteeg, M. How constitutional rights matter. New York : Oxford University Press, 2020. P. 21.

аспекты, без каждого из которых содержание, гарантия и защита которого были бы неполными» (С. 36).

Научную новизну также имеют авторские выводы в части установленных в поправке 2020 года конституционных предписаний о «вере в Бога» (ч. 2 ст. 67.1) при сохранении «вечной нормы» о светском государстве (ст. 14). Эта дихотомия до настоящего времени не подвергалась отдельному диссертационному исследованию.

В методологическом плане выверенной представляется общая логика исследования. Соответственно структура диссертации, включающая три главы, отражает движение от общего (правовая природа свободы вероисповедания) к частному (вопросы о субъектах и пределах вмешательства государства в осуществление рассматриваемого конституционного права).

Автор обоснованно затрагивает вопрос о религиозных организациях в качестве носителей данной конституционной свободы (раздел 2.1.). Именно организационная форма её осуществления отличается значительной эффективностью на практике.

Основные научные выводы диссертанта и положения, выносимые им на защиту, обладают высокой степенью **обоснованности**. Автор достаточно критически оценивает существующую правоприменительную практику. Так, подчёркивается, что «любое совместное исповедание верующими гражданами религии может быть рассмотрено в качестве создания ими религиозного объединения (например, религиозной группы) с последующим наложением запрета на деятельность до представления соответствующего уведомления о создании религиозной группы может быть в определенных случаях расценено в качестве вмешательства государства в свободу вероисповедания в коллективном аспекте» (С. 18).

Заслуживает внимания характеристика автором принципов государственного регулирования деятельности религиозных объединений (девятый тезис). Диссертант приходит к следующему справедливому выводу: «хотя государства и пользуются широкой свободой усмотрения в их

взаимоотношениях с религиозными общинами, они имеют обязанность сохранять нейтралитет и беспристрастность при осуществлении своих регулирующих полномочий в отношении с различными религиями, конфессиями и группами внутри них» (С. 22).

Оправданы сравнительно-правовой анализ конституционных текстов о свободе вероисповедания и активное использование судебной практики ряда иностранных и международных юрисдикций. Привлечение подобных источников среди прочего свидетельствует о **достоверности** полученных в ходе исследования результатов.

Наряду с положительными моментами представленное исследование не лишено ряда **дискуссионных или спорных положений**, которые требуют дополнительных авторских пояснений в ходе публичной защиты.

Во-первых, учитывая факт защиты диссертации по специальности 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки», не ясна позиция соискателя о месте свободы вероисповедания в российском правовом порядке. Например, автор обосновывает осуществление рассматриваемого конституционного права «в рамках группы верующих, состоящей из членов одной семьи, а также трудовыми коллективами коммерческих корпораций, управляемых в соответствии с определенной религиозной этикой» (С. 12). Означает ли это, что такие группы являются носителями именно конституционной свободы вероисповеданию или даже адресатами соблюдения соответствующих конституционных обязательств? К примеру, может ли отдельная семья обжаловать в Конституционный Суд РФ нарушение свободы вероисповедания со стороны коммерческой организации?

Автор утверждает, что религиозные общины имеют свои «собственные права, следующие из внутренних установлений в рамках автономии религиозных объединений» (С. 42). Какова юридическая природа этих прав – это конституционные или субъективные гражданские права? Если правильно последнее предположение, то почему этот материал помещен в диссертацию

по специальности 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки»?

Во-вторых, в развитие предыдущего замечания в процессе публичной защиты желательно внести ясность в вопрос о месте свободы вероисповеданий в административном праве. В диссертации подробно исследуется государственная религиоведческая экспертиза (раздел 3.1). Автор даже выдвигает тезис о роли «государственной религиоведческой экспертизы как формы государственного контроля» (С. 14). Какова отраслевая принадлежность контрольно-надзорной деятельности государства в современной России?

Отсюда интересно мнение диссертанта о соотношении конституционной свободы вероисповедания и субъективных публичных прав в сфере религии. Проводит ли соискатель различие между защитой свободы вероисповедания в конституционном и административном судопроизводстве? Какие критерии такого различия можно предложить?

В-третьих, методологическая основа исследования описана во введении слишком поверхностно. «Дежурное» перечисление отдельных общенаучных и частнонаучных методов не позволяет понять авторские подходы и установки, которые используются в дальнейшем исследовании.

В-четвертых, требует дополнительных объяснений авторский подход к выборке юрисдикций для сравнительно-правового анализа. В работе есть несколько ссылок на государства «евроатлантической цивилизации» (С. 34, 43, 47, 72) при этом упоминается конституция Японии. Означает ли это, что из предмета исследования исключаются страны, относящиеся к иным цивилизациям? Также в работе содержится утверждение о том, что «право на создание религиозного объединения существует независимо от действующей в стране модели государственно-конфессиональных отношений» (С. 46). Влияют ли особенности правовой традиции, к которой относится конкретное государство, на вопросы осуществления конституционной свободы вероисповедания?

В-пятых, диссертация оформлена небрежно. Нередко в работе вместо российских библиографических требований используются иностранные стили оформления. Примером служит сноска № 51. Более того, в этой ссылке отсутствует название сборника («Religion, Human Rights and International Law A Critical Examination of Islamic State Practices»), а только указан заголовок одной из статей («Freedom of Religion in International Law»). Подобная небрежность может косвенно свидетельствовать о некорректном заимствовании. Оформление нормативных правовых актов и иных официальных документов противоречит правилам ГОСТов. В тексте и библиографическом списке в отношении судебных актов не приводятся все реквизиты, которые позволяют их идентифицировать. Нет даты обращения к интернет-ресурсам или имеются неработающие ссылки на интернет-источники (например, в ссылке № 74 неработающий URL).

Вместе с тем вышеуказанные моменты не снижают общего положительного впечатления о проведенном анализе, не влияют на высокую оценку исследования, имеющего научную новизну, теоретическую и практическую значимость.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки», а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Щербинин Арсений Алексеевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.2. – «Публично-правовые (государственно-правовые) науки».

Официальный оппонент:

доктор юридических наук,
доцент Кафедры конституционного права
юридического факультета
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Должиков Алексей Вячеславович _

5 ноября 2024 г.

Контактные данные:

тел.: +7 (812) 363-60-90. доб. 417, e-mail: a.dolzhikov@spbu.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена

диссертация: 5.1.2 – «Публично-правовые (государственно-правовые) науки»

Адрес места работы:

199106, г. Санкт-Петербург, 22-я линия В.О., д. 7 кафедра конституционного права юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

тел.: +7 (812) 363-60-90. доб. 417, e-mail: spbu@spbu.ru

Документ подготовлен в порядке исполнения трудовых обязанностей